

От издательства

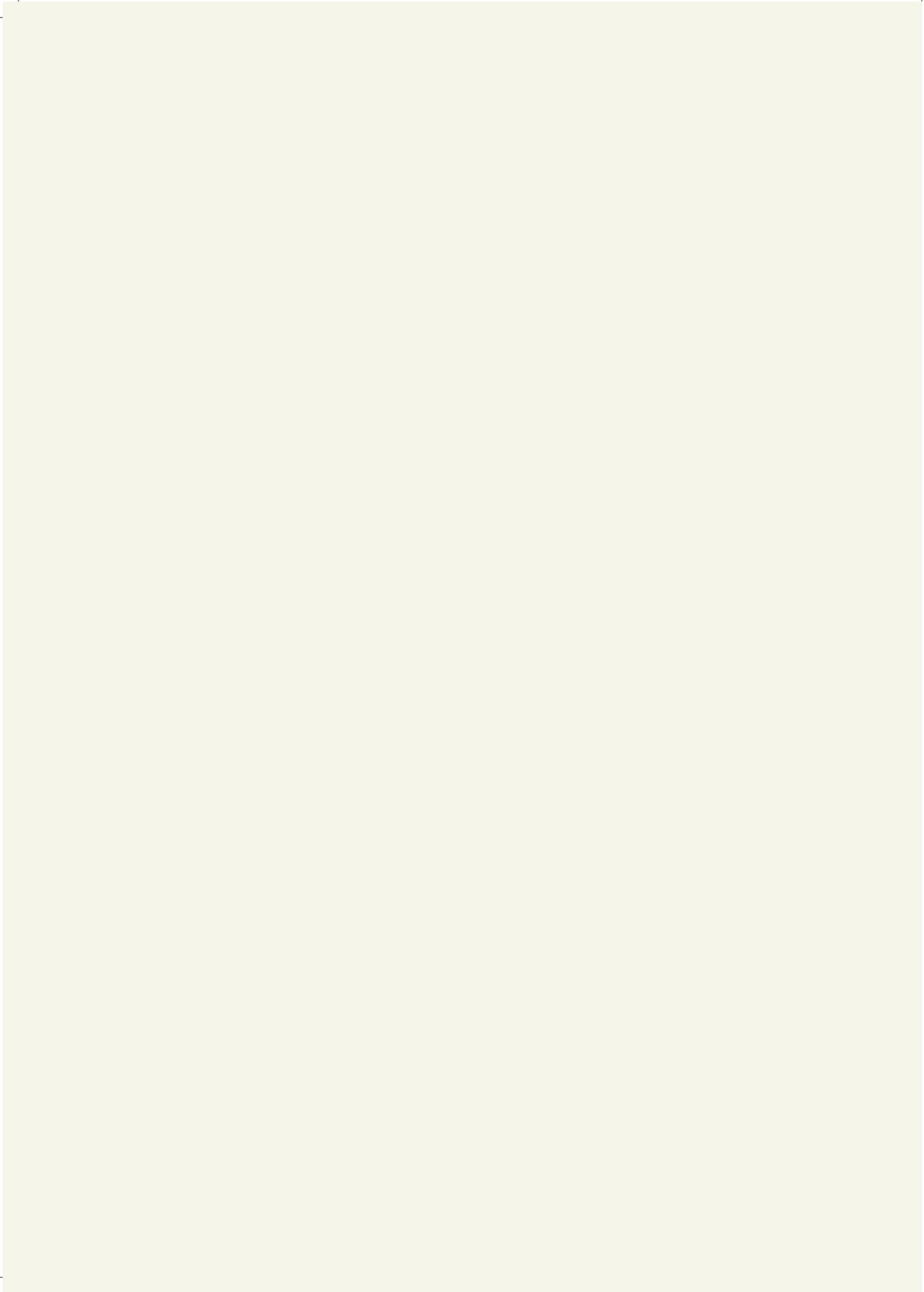
Двенадцать лекций Умберто Эко, опубликованных в этой книге (дата создания указана на последней странице каждой), были написаны для ежегодного миланского фестиваля культуры «Миланезиана» и прочитаны в рамках фестиваля в период с 2001-го по 2015 год. С 2008 года у «Миланезианы» появляется доминирующая тема, в каждом году своя; соответственно каждая из лекций, относящихся к этому периоду, посвящена теме очередного фестиваля (которая иногда предлагалась самим Эко).

Первая лекция — «Карлики на плечах гигантов», которая была прочитана на фестивале 2001 года и к которой автор не подбирал иллюстраций, — играет роль предисловия: она помогает понять, как автор оценивал вклад классиков в современную культуру и какой виделась ему роль интеллектуала в наше время.

Заключительная глава представляет собой текст лекции, написанной специально для фестиваля, но так и не прочитанной автором, поэтому мы помещаем ее последней.

В лекциях Эко часто возвращается к рассмотрению одних и тех же проблем; но это не повторы, а, скорее, лейтмотивы, свидетельствующие, помимо прочего, о его постоянном, неослабевающем внимании к тематике, которая была наиболее важна для него.

Вмешательство издателей в этой книге было минимальным и свелось к составлению немногочисленных примечаний, а также к размещению в тексте иллюстративного материала (что было сделано в строгом соответствии с указаниями автора).

НА ПЛЕЧАХ ГИГАНТОВ

Дискуссия о «карликах и гигантах», начавшаяся еще в Средние века, всегда живо интересовала меня. Однако не следует забывать, что противостояние карликов и гигантов — всего лишь эпизод в тысячелетней вражде отцов и детей, которая, как мы увидим далее, не утихла еще и сегодня.

Не надо обращаться за консультацией к психоаналитику, чтобы иметь право сказать: у детей есть обычай убивать отцов — я говорю «отцов» лишь потому, что так принято в литературе на данную тему: знаю, существует также добрая многовековая традиция убивать матерей, которая прослеживается со времен настроенных друг против друга Нерона и Агриппины вплоть до современности, по фактам криминальных хроник.

Проблема в другом: наряду с агрессией детей, направленной против отцов, с глубокой древности имела место столь же ожесточенная агрессия отцов, направленная против детей. Эдип убивает царя Лая, причем, не осознавая вины, с другой стороны, Сатурн пожирает своих детей, да и Медею никак не назовешь образцовой матерью. (Бедняга Фиест, съевший котлету из мяса собственных детей, не в счет: он ведь не знал, чем его кормят.) Но заметим: если в Византии было немало наследников престола, которые ослепляли отцов, в Константинополе было столько же султанов, которые убивали сыновей от первого брака, чтобы преемники не так быстро достигали совершеннолетия.

Конфликт отцов и детей может принимать и другие, пусть и не столь ужасные, но не менее драматичные формы. Сын может проявить свою враждебность к отцу, поглумившись над ним. Хам, сын Ноя, не простил отцу каплю вина, которую тот выпил только

потому, что уже не мог смотреть на воду. Как известно, Ной ответил на это расистской выходкой: сослал непочтительного сына в страну с развивающейся экономикой. То есть обрек его вместе с будущим потомством на тысячи лет голода и рабства. Согласитесь, это чрезмерное наказание для парня, который всего лишь посмеялся над пьяным папашей. Считается, что готовность Авраама принести в жертву юного Исаака — это возвышенный пример абсолютного повиновения божественной воле. А на мой взгляд, Авраам отнесся к сыну, как к вещи, которой он вправе распорядиться по собственному усмотрению (например, зарезать, как скотину, чтобы заручиться благосклонностью Яхве... По-вашему, такое поведение соответствует современным нормам морали?). К счастью, оказалось, что Яхве пошутил, но ведь Авраам не знал этого. Исаака вообще преследовало невезение: это выяснилось, когда он сам стал отцом. Конечно, Иаков не убил своего родителя, однако вырвал у него право на наследство с помощью недостойной уловки, воспользовавшись его слабым зрением. Пожалуй, такой трюк даже оскорбительнее, чем классическое отцеубийство.

В любом «споре о древних и новых» обе стороны одинаково яростно отстаивают свои позиции. Обратимся к «Спору о древних и новых» в прямом смысле, то есть к литературной дискуссии, развернувшейся во Франции в XVII веке. Вот ее суть. Шарль Перро, возглавлявший партию «новых», и его единомышленник Фонтенель утверждали: сочинения современных писателей превосходят творения античных авторов, ибо подготовлены и отработаны более тщательно (потому-то «галантные поэты» и «пытливые умы» отдают предпочтение новым жанрам, таким, как опера, новелла и роман). Но другая группа литераторов, в которой был знаменитый Буало, так называемые древние, высказывала противоположное мнение: задача современного писателя — во всем следовать непревзойденным античным образцам. И разгорелся спор, продолжавшийся долгие годы.

Подобный спор — это всегда столкновение новаторов с «хвалителями былых времен»¹; и очень часто поклонение новизне, призыв порвать с прошлым возникают из стремления дать отпор неумеренному консерватизму. В наше время несколько итальянских поэтов даже провозгласили себя «новейшими»; однако все мы еще со

¹ «Хвалитель былых времен» — выражение из книги Горация «Наука поэзии». (Здесь и далее примеч. перев. и ред.)

школы помним, что две тысячи лет назад в Риме уже были «новые поэты». Во времена Катуллы еще не существовало слова *modernus*¹, а «новыми поэтами» (*poetae novi*) называли себя стихотворцы, взявшие за образец более раннюю, греческую лирику, чтобы их не смешивали с теми, кто в своей поэтической практике следовал современной, латинской традиции. Овидий в «Науке любви» (III, 121) говорит: *Prisca juvent alios* [оставляю прошлое другим], *ego me nunc denique natus gratulor; haec aetas moribus acta meis...* и т. д. [я горд тем, что родился в наше время, потому что оно мне подходит... потому что оно более утонченное, без той грубости, какая была в минувшие эпохи]. Однако «новые» поэты весьма раздражали «хвалителей былых времен», об этом свидетельствует Гораций в своих «Посланиях» (II, 1, 75). Досадно, говорит он, когда книгу ругают не из-за недостатка изящества, а лишь потому, что она появилась совсем недавно — *sed quia nuper*. Такой же логики придерживаются и нынешние критики, когда в рецензии на книгу молодого писателя сетуют, что теперь уже не пишут таких романов, как прежде.

Термин *modernus* — «современный» — выходит на сцену в момент, когда Античность, в нашем привычном понимании, уже перестала существовать: в середине V века, когда для всей Европы наступила мрачная эпоха, предшествовавшая Каролингскому возрождению, — раннее Средневековье, период, который в нашем представлении меньше, чем любой другой, ассоциируется с понятием «современный». Именно в эти поистине «темные века», когда у людей мало-помалу стирается память о былом величии Рима, на его пепелище зарождается нечто новое, хотя сами новаторы могут даже не отдавать себе в этом отчет. В самом деле, именно тогда начинают формироваться новые европейские языки, то есть происходит, возможно, самое инновационное и самое значительное культурное событие за последние два тысячелетия. А с другой стороны, классическая латынь начинает постепенно превращаться в средневековую. И вскоре появляются первые свидетельства того, что новаторы испытывают гордость за свое новаторство.

Прежде всего это гордость от сознания, что ты изобрел латынь, отличающуюся от языка древних. После гибели Римской империи Европе пришлось пережить упадок земледелия, разрушение

¹ Новый, современный (лат.).

больших городов, дорог и акведуков, построенных римлянами; на пространстве старого континента, покрытом густыми лесами, живущие в своих обителях ученые монахи, поэты и миниатюристы представляют себе мир как непроходимую чащу, где обитают чудовища. Уже в 580 году Григорий Турский утверждал, что словесность прекратила свое существование, а один из пап, не помню который, задавался вопросом: считать ли действительными обряды крещения, совершенные в Галлии, где младенцев крестят *in nomine Patris et Filiae* [Figlia] *et Spiritus Sancti* — «во имя Отца и Дочери и Святого Духа», ибо в этом краю даже священники не знают латинского языка. Но в VII–X веках возникает новая разновидность латыни, которая захватывает территорию от Испании до Британских островов, включая и Галлию. Это различные варианты так называемого «гесперийского» языка, созданного на основе латыни с примесью слов из местных наречий. Ученые, которые придерживались классической латыни, подробно описали (и раскритиковали) этот стиль, назвав его «азиатским» (а позднее «африканским»), в противоположность гармоничному «аттическому» стилю. В «азиатском» стиле они усмотрели то, что греческие и римские риторы классической эпохи называли *kakozelon* — дурной пафос, или *mala affectatio* — кривляние. В V веке Отцы Церкви испытывали глубокое возмущение, когда сталкивались с *mala affectatio*; вот, например, что пишет по этому поводу святой Иероним в «Первом послании против Иовиниана» (*Adversus Jovinianum I*):

«Сейчас появилось множество самозванных писателей и множество сочинений, непригодных для чтения: они написаны таким стилем, что невозможно понять, кто именно говорит и о чем идет речь. Фраза то взлетает вверх, то сникает, точно больная змея, которая отчаянно пытается извиваться, но в итоге ломает себе хребет. Все стягивается в безнадежно запутанный узел, и хочется повторить вслед за Плавтом: “Тут ничего не поймешь, будь ты хоть Сивилла”. Кому нужны эти словесные выкрутасы?»

Однако то, что для сторонников классической латыни было недостатком, в гесперийской поэтике становится достоинством.